

Из-за слабого здоровья он редко занимался подобными делами, да и в прошлой жизни таких моментов было немного.

К тому же у него не было объекта для фантазий — в этом плане он был немного привередлив.

В общем, он чувствовал, что не совсем понимает, как это делается, и, несмотря на все усилия, не мог добиться облегчения.

Он подумал, что ему нужно о чем-то подумать, и начал представлять себе актрис... Но после еще одной попытки он почувствовал, что его энтузиазм угас.

Он был в замешательстве.

Наверное, дело в том, что макияж и одежда этого времени не соответствовали его вкусам.

Нужно было подумать еще!

И он начал думать. В его мыслях образ актрисы постепенно сменился другим человеком. У того были глубоко посаженные глаза, еще более глубокий взгляд, высокий нос, что делало его вид немного суровым. Губы не были ни тонкими, ни толстыми, всегда плотно сжатыми...

Этот человек казался неприступным, но на самом деле был очень внимательным. Он производил впечатление холодного человека, но, если приблизиться, можно было почувствовать, что внутри он был полон нежности...

Его руки были такими теплыми...

Сюэ Динъюань тихо застонал, затем прижал лоб к холодной плитке в ванной, а кулаком другой руки сильно ударил о стену.

Он был медлительным, но не глупым, и сейчас, конечно, всё понимал.

А потом почувствовал... почувствовал... Сюэ Динъюань несколько раз стукнулся лбом о стену с средней силой.

Теперь стало понятно, почему он часто засматривался на Чу Хуншэна, почему, когда тот был чем-то занят, ему хотелось его отвлечь, почему, когда Чу Хуншэн брал его за руку, он чувствовал такое умиление.

И почему в последнее время он так раздражался из-за Ван Сяохуэй...

Он повернулся, прислонившись спиной к плитке, пытаясь охладить свои мысли, которые были в полном хаосе из-за этого открытия.

Он смотрел на свою ладонь. В прошлой жизни он никогда не влюблялся. Оказывается, причина была в этом...

Нет, неправильно. Если бы это был другой мужчина, он бы ему голову оторвал.

Значит, это только к Чу Хуншэну!

С этими мыслями на губах Сюэ Динъюаня появилась горькая улыбка.

Если бы Ван Сяохуэй добилась Чу Хуншэна, это можно было бы считать хорошим исходом. Но

если бы это произошло с ним самим... Чу Хуншэн спас ему жизнь, помог пережить трудные времена, всегда относился к нему хорошо, помогал и поддерживал... А его чувства были бы настоящей неблагодарностью.

В этот момент его состояние можно было описать только как полный хаос.

Он с яростью осуждал себя за то, что испытывал такие непристойные чувства к Чу Хуншэну.

Но затем подумал, что в самих чувствах нет ничего плохого. Чу Хуншэн был таким замечательным, разве не естественно было влюбиться в него?

В этот момент в его голове мелькнула темная мысль: может быть, он мог бы использовать хитрость, чтобы методом «кипячения лягушки» привязать Чу Хуншэна к себе, чтобы тот не ушел. Он бы смог!

Но в следующую секунду он содрогнулся.

Это было слишком подло... Использовать доброту и мягкость другого человека, чтобы удовлетворить свои скрытые желания, было грязно и низко.

Что же ему делать?

Он, конечно, знал, что лучше всего было бы оставаться с Чу Хуншэном как братья, как самые близкие друзья, как товарищи, готовые отдать жизнь друг за друга.

А потом, когда появится подходящая женщина, он мог бы с радостью наблюдать, как они сближаются, и с улыбкой поздравлять их с вечной любовью и счастьем. Может быть, он даже смог бы стать шафером на их свадьбе.

Но одна мысль об этом вызывала в нем отчаяние.

Сможет ли он это сделать?

А если не сможет, что тогда?

Если не сможет, то они просто перестанут общаться... Он вспомнил, как днем Чу Хуншэн твердо отказал Ван Сяохуэй и настоял на том, чтобы та ушла.

Если бы это был он, то, наверное, добавил бы что-то вроде «ты меня тошнишь»?

Мысль о том, что Чу Хуншэн мог бы смотреть на него с отвращением и брезгливостью, была невыносима.

И он не хотел расставаться с Чу Хуншэном... Если бы он только знал раньше, когда тот предложил разойтись...

Он прервал свои мысли, потому что, несмотря на то, какие трудности ждали его впереди и насколько запретны были эти чувства, в сердце все равно теплилась слабая надежда.

Хотя горечи и тоски было больше, именно эта капля сладости казалась такой важной, что ее нельзя было игнорировать.

Он сможет, обязательно сможет!

Сюэ Динъюань стоял, прижавшись к стене, закрыв глаза и позволяя воде омыwać свое тело, повторяя это себе.

Прошло неизвестно сколько времени, когда он услышал стук в дверь. Снаружи раздался голос Чу Хуншэна:

— Сюэ Динъюань, ты в порядке?

— Все в порядке! — поспешно ответил он, стиснув зубы, чтобы придать лицу нормальное выражение, и выключил душ.

Просто сделаем вид, что ничего не произошло.

В конце концов, ничего и не могло произойти.

Чу Хуншэн, услышав, что голос Сюэ Динъюаня звучит хрипло, нахмурился:

— Ты не простудился?

Сюэ Динъюань кашлянул:

— Нет, я сейчас выйду.

Он быстро надел одежду и вышел. Открыв дверь, он увидел Чу Хуншэна, стоящего снаружи, и действительно испугался:

— Почему ты без одежды?

Чу Хуншэн увидел, что лицо Сюэ Динъюаня покраснело от пара, и уловил характерный запах, исходящий из ванной. Конечно, он понял, чем тот только что занимался, и почувствовал, как горло сжалось:

— Жарко.

Затем он быстро повернулся и пошел в комнату одеваться.

Сюэ Динъюань медленно последовал за ним, глядя на его крепкую спину и красивые лопатки, но, прежде чем успел проявить свое восхищение, отвел взгляд и, словно пытаясь скрыть свои мысли, сказал:

— Посмотри телевизор, я пойду решать задачи.

Чу Хуншэн покачал головой:

— Я посижу с тобой, почитаю.

Честно говоря, он понимал только китайский язык, поэтому взял словарь, чтобы искать незнакомые иероглифы.

Дистанция между ним и Сюэ Динъюанем, несомненно, увеличится из-за учебы последнего.

В мире, возможно, существует много дружбы, которая не зависит от статуса, но ему трудно представить, что однажды Сюэ Динъюань в строгом костюме сможет стоять рядом с таким грубым человеком, как он, который скорее пустит в ход кулаки, чем мозги.

В тот момент его слова покажутся Сюэ Динъюаню детскими, а слова Сюэ Динъюаня — слишком сложными для него.

Возможно, они не забудут это время, когда они были вместе, но если они идут разными путями, то рано или поздно разойдутся.

Он просто хотел немного продлить это время.

Сюэ Динъюань, не задумываясь, кивнул и сел за стол, на котором лежали фрукты, приготовленные для него Чу Хуншэном.

Такая забота пронизывала каждую деталь его жизни.

Он не мог не думать, что, возможно, именно из-за того, что Чу Хуншэн был так добр к нему, у него возникли такие чувства.

Но он быстро понял, что это самообман.

Любовь — это любовь, чувства — это чувства, и здесь нет места причинам и условиям.

Он вздохнул и открыл задачник, но это не помогло.

Раньше, даже когда он был расстроен, он мог сосредоточиться на решении задач, но сегодня это было невозможно, ведь он только что открыл для себя такую важную вещь.

И тот, кто был объектом его фантазий, находился так близко.

Он мог бы встать, сделать несколько шагов и прикоснуться к нему.

Но на самом деле дистанция между ними была непреодолимой, и это удручающее осознание заставляло его чувствовать себя подавленным.

Он рассеянно крутил ручку в руках, и только через некоторое время заметил, что на черновике не было ни строчки, связанной с учебой, а только несколько раз написанное имя Чу Хуншэна.

Он поспешно скомкал бумагу и выбросил ее в мусорное ведро.

Чу Хуншэн, видя его состояние, подумал, что он расстроен из-за сложной задачи, и сказал:

— Если не получается, отдохни, время уже позднее.

Сюэ Динъюань: ...

Это было нормально, обычно в это время Чу Хуншэн тоже предлагал ему отдохнуть.

Но в тот день, когда он только что осознал свои желания к этому человеку, как он мог спокойно лечь с ним в одну кровать?

По поводу аппетита — рядом с обжорой всегда сидит обжора, это истина, кхм-кхм, поэтому их аппетиты кажутся мне нормальными.

И еще, не скрою от вас, я, наверное, действительно извращенец, мне очень нравится такой сюжет: «Я люблю тебя, я люблю тебя, но я думаю, что ты меня не любишь, поэтому я должен терпеть», хи-хи-хи.

<http://bllate.org/book/16745/1562040>